

«Картина жизненного мира» индивида как основание мышления в диалоге

Розин В.М.,

д. филос. н., профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0002-4025-2734
rozinvm@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается одно из условий мышления и диалога, которое автор связывает с понятием «жизненного мира» индивида. Мотивом для обсуждения данной темы стало наблюдение за полемикой методологов в Интернете. Автор показывает, что жизненные миры индивидов обуславливают характер мышления и диалога, и если эти миры несовпадающие или противоположные, добиться консенсуса не удастся. Это положение подкрепляется анализом примеров полемики в истории философии. Кроме «жизненного мира», вводится понятие «конструирование новой предметности», которое поясняется еще на одном кейсе.

Ключевые слова: мышление, дискурс, диалог, предметность, жизненный мир, история, философия, методология, индивид, личность.

Наше время не только трудное для жизни, но и плодотворное, с точки зрения возможностей понять ряд непростых явлений, в частности, природу и особенности некоторых сторон мышления. Я философ с методологической и исследовательской ориентацией. Наблюдаю в Интернете (на сайте и в чате) вот уже около года полемику одной из групп методологов, около 50 человек. В основном это последователи Московского методологического кружка (аббревиатура ММК), разделившихся после начала СВО на два противоположных лагеря. Руководитель сайта, достаточно известный в ММК методолог, считает, что при наличии искреннего желания понять друг друга и договориться сторонники противоположных взглядов, которые и составляют аудиторию сайта, смогут выработать общие подходы и позиции и продолжат «общее дело». При этом главное средство понимания и сближения — правильное методологическое мышление, принципы и процедуры которого руководитель сайта постоянно формулирует. Реально же на сайте происходит следующее.

Обе подгруппы методологов выкладывают в чате сайта, с одной стороны, свои представления о происходящем (они, понятно, как правило, противоположные), с другой — принципы и правила правильного мышления и ведения полемики (тоже разные), которым все методологи должны следовать, в том числе и их оппоненты. Оппоненты соглашаются и продолжают рассуждать, как будто такого согласия не было. Никто никого не убеждает, каждая группа рисует свою картину и дает свои объяснения. Поражает, что нередко

оппоненты, придерживающиеся прямо противоположных взглядов, демонстрирующие рассуждения, приводящие к противоположным выводам, ссылаются на одинаковые тексты основателя ММК Г.П.Щедровицкого или на одни и те же принципы и схемы методологического мышления (мыследеятельности). Внешне рассуждения каждой группы выглядят вполне логично, хотя, конечно, нетрудно заметить, что они опираются на разные основания. Руководитель сайта не унывает, хотя и признает, что его усилия не приносят нужных результатов. Вот одно из его объяснений.

«Мне, — пишет он автору в WhatsApp, — происходящее в чате доставляет мало удовольствия, но я не хочу прекращать это “волевым образом”, поскольку считаю, что раз мы с подачи Х (*страстная защитница СВО и борьбы с инакомыслящими. — В. Р.*) погрузились во все это, то представители разных позиций должны научиться разговаривать между собой, не обходя острые углы, и при этом выдерживая планку методологической дискуссии. В какие-то моменты мы были к этому близки, и даже кое-что поняли про нормы коммуникации, но периодически разговор “срывается”, требуя “ручного управления”...

Я действительно защищаю российскую традицию, но я не считаю, что она сводится к тоталитаризму. Тоталитаризм — это крайний случай, который имел место при Ленине и Сталине, но в целом “русская модель управления” — это гораздо более сложное явление...

Я считаю, что именно “авторитарные” Россия, Китай и другие страны мирового большинства через БРИКС, ШОС и другие объединения продвигают сейчас процесс формирования нового, более справедливого мирового порядка...

Мне с моей позицией (*разъяснять противоположные подходы, искать общие точки соприкосновения, примирять противоположные взгляды на происходящее. — В. Р.*) нужно уметь мирно сосуществовать и коммуницировать с такими, как Х. Чем я и занимаюсь на площадке чата».

Руководитель сайта прекрасно понимает, что участники полемики имеют противоположные взгляды, что существуют «неразрешимые социокультурные конфликты», но почему-то уверен, что добрая воля и правильные нормы методологической дискуссии рано или поздно приведут всех к согласию. Я в этом не уверен, точнее думаю, что раскол методологов, ведущих на рассматриваемом сайте непримиримую полемику, только увеличится. И вот почему. Но прежде я хочу взглянуть на эту ситуацию научно.

История раскола подвизающихся в мышлении стара как мир. Еще на заре античной культуры Парменид объявил сторонников Протогора ненормальными, поскольку они считали, что именно мыслящий задает реальность мира, и если он в рассуждении пришел к выводу, что вещи противоречивы, то так оно и есть.

Люди о двух головах, в чьем сердце беспомощность правит
Праздно бредущим умом. Глухие они и слепые.
Мечутся, ошеломясь, неспособное племя к суждению,
Те, кому быть и не быть, — одно и то же и вместе
Не одно и то же: всему у них путь есть попятный [5].

Главные сторонники Парменида (Сократ, Платон, Аристотель) приняли его установки на непротиворечивость мира, зависимость познания не от мыслящего, а от устройства этого

мира и социальных норм. Реализация этих установок потребовала разработать образцы и правила мышления, работа продолжается до сих пор, хотя для античной культуры основные ориентиры в этой области задали Платон и Аристотель. В рамках этой программы установки обоих мыслителей выглядят близкими (требования непротиворечивости, истинности знаний, навигации мышления, построения идеальных объектов и др.). Но Платон и Аристотель были не только сторонниками методологической программы Парменида, но и яркими личностями, причем очень разными.

Платон, как я показываю, эзотерик, верящий в два мира: «подлинный» (непротиворечивый и благой) и неподлинный (противоречивый и неблагой), и в связи с этим построивший концепт спасения как припоминание подлинного мира. Он один из первых социальных проектировщиков («Пир», «Государство»). Мыслитель, считавший, что именно идеальные объекты (идеи) образуют бытие, а вещи существуют только по «приобщению к ним». Аристотель, мыслитель, не разделявший веру в подлинный мир, напротив, видящий бытие не в небесной, а в земной юдоли, отрицавший социальное проектирование, взамен которого он вводил идею природы и ее исследования как условие эффективного практического действия [6, с. 54–69]. Поэтому не удивительно, что Аристотель жестко полемизирует с учением своего учителя, отрицает платоновские идеи, критикует его учение о государстве. И все это в рамках программы Парменида, следуя правилам мышления, установленным Аристотелем в «Аналитиках». Платон тоже мыслил в рамках этой же программы, но поскольку следовал собственным представлениям об устройстве мира, его дискурс, названный Платоном диалектикой, существенно отличается от логики аристотелевского мышления.

Другой пример, приходящий мне на ум, — Кант и его последователи, Гегель, Шеллинг и Фихте, одновременно критиковавшие кантианское учение за непоследовательность и эклектичность. Опять различие способов мышления и дискурсов было обусловлено несовпадением личностей этих великих философов. Кант видел мир и бытие сквозь призму Разума, понимаемого и как разум индивидов-мыслителей, и разум Творца, и как органон знания (философии и науки), собирая эти три ипостаси с помощью системных категорий [7]. Его последователи видели бытие иначе, как духовную целостную природу (дух, интеллигенцию, деятельность, сознание), разворачивавшуюся в историческом времени.

Подумаем теперь, что же собой представляет мышление в культуре и как процесс, реализуемый в творчестве разных личностей? Явно не только рассуждения и навигация их. Сделаем небольшой исторический экскурс. Изобретение греками рассуждений на рубеже становления античности позволило не только быстро и эффективно строить новые знания, но выливается в запутанность мысли, а также возможность строить апории. Рассуждения начинают использоваться и в других областях — спорах, познании, решении конфликтов. Складываются практики, которые можно назвать «дискурсивными». Для них характерны, во-первых, установка на получение знаний путем рассуждений (хотя во многих случаях последние получают и другими способами, например, за счет построения схем и познания), во-вторых, стремление найти правильный путь получения знаний, путь, ориентированный на многих и общее благо. Рассуждения в данном случае выступали одновременно как путь, который проходит мыслью, и поиск этого пути. Позднее, в Новое время, «дискурсия» стала пониматься более широко (не только рассуждения, но и познание,

исследование, проектирование и т. д.), а поиск стал включать в себя не только мышление, но и методологию [8, с. 83–90].

Поскольку дискурсия осуществляется личностью, реализующей себя, она обусловлена последней, точнее ее «жизненным миром», введем такое понятие. Жизненный мир у каждой личности (индивида) свой. Он имеет определенное строение, отличающееся от строения жизненного мира других личностей. Конечно, в определенных типах культур, где довлеют социализация и нормирование, жизненные миры индивидов, как правило, очень похожи. Но, вводя понятие личности, я указываю на другой случай — формирование, начиная с античности, самостоятельного поведения индивида и как необходимое условие этого — выстраивание им приватного мира и себя в нем, установление новых отношений с социальным коллективом, особый способ жизни, нередко отличающийся как от социального, так и способов жизни других индивидов. «Сопряжение Простеца и Схоласта (с включением Мастера как медиатора этих полюсов), — пишет В.С. Библер, — есть решающее — для идеи личности — несовпадение индивида с самим собой в контексте средневековой культуры. — То несовпадение и та возможность самоотстранения и самоотстранения, что позволяет индивиду этой эпохи вырываться за пределы внешней социальной и идеологической детерминации и самодетерминировать свою судьбу, свое сознание, т. е. жить в горизонте личности. Т. е. быть индивидом, а не социальной ролью. Здесь необходимое взаимоопределение между *регулятивной идеей личности* (в реальной жизни — средневековой, античной или нововременной — личность всегда только регулятивна и никогда не налична) и *актуальным бытием индивида*. Нет индивида в не идеи личности; нет личностного горизонта в не самообособления индивида (вне одиночества)»[1, с. 122].

Жизненный мир индивида обуславливает характер дискурсии и мышления. При этом, вероятно, имеет смысл различить обусловленность в процессах познания и в диалоге. В обоих случаях обусловленность можно свести к обсуждению *существования* явления, интересующего познающего или полемизирующего индивида. В первом случае жизненный мир задает пространство возможного существования, которое в ходе познания раскрывается (или нет). Например, Аристотель, обсуждая в «Физике» апорию Зенона и особенности движения, мыслил пространство возможного существования с помощью представлений о природе, категорий и индукции (наблюдений разных случаев движения). Галилей задавал это пространство преимущественно на основе концепции природы, заданной математикой.

«Человеческое понимание, — пишет Галилей, — может рассматриваться в двух планах — как интенсивное и как экстенсивное. Как экстенсивное его можно рассматривать в отношении ко множеству интеллигибельных предметов, число которых бесконечно; в этом плане человеческое понимание ничтожно, даже если оно охватывает тысячу суждений, коль скоро тысяча по отношению к бесконечности есть нуль. Но если человеческое понимание рассматривать интенсивно и коль скоро под интенсивностью разумеют совершенное понимание некоторых суждений, то я говорю, что человеческий интеллект действительно понимает некоторые из этих суждений совершенно и что в них он обретает ту же степень достоверности, какую имеет сама Природа. К этим суждениям принадлежат только математические науки, а именно геометрия и арифметика, в которых божественный интеллект действительно знает бесконечное число суждений, поскольку он знает все. И что

касается того немногого, что действительно понимает человеческий интеллект, то я считаю, что это знание равно божественному в его объективной достоверности, поскольку здесь человеку удастся понять необходимость, выше которой не может быть никакой более высокой достоверности» [2, с. 61]. Естественно, жизненный мир Галилея не сводился только к особенностям познания природных явлений, но если речь шла о познании, обусловленность задавалась именно с помощью подобных концепций.

В диалоге тоже обсуждается существование некоторого явления, но с другими целями. Спорящие стараются или опровергнуть существование определенного явления, или убедить своего оппонента, что оно имеет место. Например, Кант в работе «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» фактически полемизирует с Эмануэлем Сведенборгом, стараясь убедить своих читателей, что нет (не существует) такой реальности, о которой последний рассказывает в своих духовных учениях. При этом Кант прибегает к двум аргументам: рассказы ангелов, к которым апеллирует Сведенборг, не могут быть доказательствами существования, а также Сведенборг не совсем здоров психически, принимая свои видения за реальность.

«Теперь, — пишет Сведенборг, — обратимся к опыту. Что ангелы имеют человеческий образ, то есть что они такие же люди, это я видел до тысячи раз: я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видел, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого; иногда я дивился этому; но чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано было видеть их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения» [11, с. 42].

«Поэтому я нисколько не осужу читателя, — разъясняет Кант, — если он, вместо того, чтобы считать духовидцев наполовину принадлежащими иному миру, тотчас же запишет их в кандидаты на лечение в больнице и таким образом избавит себя от всякого дальнейшего исследования... в творчестве Сведенборга я нахожу ту самую причудливую игру воображения, какую многие другие любители находили в игре природы, когда в очертаниях пятнистого мрамора им рисовалась святая семья или в сталактитовых образованиях — монахи, купели и церковные органы... Я устал приводить дикие бредни самого дурного из всех фантастов или продолжать их вплоть до описания им состояния после смерти... было бы напрасно пытаться скрыть бесплодность всего этого труда — она бросается в глаза каждому» [3, с. 327, 340, 347].

И познание, и полемика предполагают постановку проблем и задач, естественно разных в этих двух случаях, а также формулирование положений, к которым необходимо выйти (доказать, убедить, опровергнуть и пр.). Опять же пространство их существования задает жизненный мир индивида. Если последний не выполняет своего назначения, творческая личность перестраивает жизненный мир. Вот один пример — перестройка в подростковом возрасте жизненного мира К. Юнгом. Однажды в прекрасный летний день 1887 года восхищенный мирозданием Юнг подумал: «Мир прекрасен и церковь прекрасна, и Бог, который создал все это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и... Здесь мысли мои оборвались и я почувствовал удушье. Я оцепенел и помнил только одно: Сейчас не думать! Наступает что-то ужасное» [12, с. 46].

(После трех тяжелых от внутренней борьбы и переживаний дней и бессонных ночей Юнг все же позволил себе додумать начатую и такую, казалось бы, безобидную мысль).

«Я собрал, — пишет он, — всю свою храбрость, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пламя, и дал мысли возможность появиться. Я увидел перед собой кафедральный собор, голубое небо. Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром — и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушится, стены собора разламываются на куски.

Вот оно что! Я почувствовал несказанное облегчение. Вместо ожидаемого проклятия благодать снизошла на меня, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал... Я понял многое, чего не понимал раньше, я понял то, чего так и не понял мой отец, — волю Бога... Отец принял библейские заповеди как путеводитель, он верил в Бога, как предписывала Библия и как его учил его отец. Но он не знал живого Бога, который стоит, свободный и всемогущий, стоит над Библией и над Церковью, который призывает людей стать столь же свободным. Бог, ради исполнения Своей Воли, может заставить отца оставить все его взгляды и убеждения. Испытывая человеческую храбрость, Бог заставляет отказываться от традиций, сколь бы священными они ни были» [12, с. 50].

Перед нами сложная схема, на которую Юнг выходил трое суток. Она задает новое понимание Бога и установку на практическое действие — разрыв с Творцом и отцом. В тот период юного Юнга занимали две проблемы. Первая. Взаимоотношения с отцом, потомственным священнослужителем. По мнению Юнга, отец догматически выполнял свой долг: имея религиозные сомнения, он не пытался их разрешить. Вторая проблема — уяснение отношения к Церкви, в которой Юнг почему-то разочаровался после первого причастия. Чуть позднее рассматриваемого эпизода эти проблемы были разрешены Юнгом кардинально: он разрывает в духовном отношении и с отцом, и с Церковью [12, с. 64].

Трансформацию, происходившую с Юнгом, можно разбить на несколько этапов. Первый — кристаллизация проблемной ситуации (разочарование в церкви и недовольство отцом), которая им еще не осознается, хотя, вероятно, ощущается в форме некоторого непонятного напряжения и недовольства. Второй этап — реакция психики, вылившаяся в фантазию, осознавая которую Юнг смертельно пугается. И было от чего, ведь содержание фантазии выглядело как кощунство, богоборчество, что для верующего мальчика, которым Юнг, несомненно, был, грозило карой (а вдруг Бог, например, поразил бы его молнией).

Как следует из моей теории сновидений, подобную фантазию можно отнести к «снужаву» [9, с. 371–374]; напряжение и недовольство, сложившиеся на первом этапе, программировали и конституировали события, указывающие направление разрешения проблемной ситуации, а именно разрыв с церковью и отцом. Но поскольку такой поступок пока Юнг не мог помыслить, он просто испугался возможной кары небес.

На третьем этапе в течение трех дней и ночей Юнг выстраивает схемы, позволяющие ему осмыслить посетившую его фантазию. При этом, опираясь на них, он конструирует новую предметность: с одной стороны, Бога как своеобразного революционера, который может разрушить даже свой дом, церковь, с другой — себя иного, тоже как своеобразного революционера, готового разорвать с отцом и церковью (Бог «призывает людей стать столь же свободными»). Наконец, пятый этап — перевод замысла в реализацию, т. е. начало поступка.

Юнг →	спонтанная реакция психики	СХЕМЫ →	Новая → реальность	понимание фантазии	поступок
Проблемная ситуация	сон наяву			смысл	
<i>Недовольство, напряжение</i>	<i>фантазия</i>		<i>Бог-революционер</i>	<i>Юнг понял волю Бога</i>	<i>разрыв с отцом и церковью</i>

Продумывание этого кейса позволяет, помимо «жизненного мира», ввести также понятие «конструирование новой предметности» [10]. По Э. Гуссерлю, «жизненный мир состоит из суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения. Такие очевидности выступают дофилософским, донаучным, первичным в логическом плане слоем любого сознания, являясь базисом, условием возможности сознательного принятия индивидом теоретических установок. Данные условия возможности совпадают с областью общеизвестных представлений, которые обладают характером «автоматических» неосознаваемых регуляторов смыслополагания... В границах инвариантов жизненного мира возникает нечто, что может быть отождествлено со сферой субъективного» [4].

Для нас, однако, не менее важна характеристика, позволяющая считать жизненный мир не только необходимым условием понимания научных положений, но и действительно реальностью, в которой существуют значимые для индивида предметы, события и отношения. Кроме того, будем исходить из того, что жизненный мир может сохраняться, несмотря на то, что в него включаются дополнительные предметы и события, но когда-то наступает период перестройки жизненного мира (создаются новые предметы и события, складываются другие отношения между ними).

Если опираться на анализ данного кейса, обобщая его, то конструирование новой предметности можно помыслить следующим образом. Первоначально в жизненном мире появляется неосмысленный феномен (например, фантазия Юнга). На его основе при двух условиях складывается новая предметность: во-первых, индивиду удастся изобрести схему или создать какую-нибудь другую семиотическую конструкцию (метафору, символ, нарратив и пр.), во-вторых, сравнить новый предмет с другими на предмет сходства и отличия (эта работа, как правило, не осознается). В результате предмет входит в реальность жизненного мира.

Вернемся теперь к методологическому сайту, где идет полемика, которую автор наблюдает около года. Два вопроса: возможно ли сближение позиций участников, придерживающихся противоположных взглядов на СВО, и перестройка жизненного мира спорящих, что является условием подобного сближения? Думаю, нет. Если жизненные миры участников сайта противоположные (несовместимые), то выкладывание (или опровержение) ими реальности, конечно, работает на реализацию их собственной личности, но не может поколебать реальность оппонентов. Что фактически и наблюдается. Тем более такая полемика не может создать условия для изменения личности участников. Чтобы изменилась личность, требуются куда более сильные воздействия, например, крах мировоззрения, или

воздействие значимого сообщества, или невозможность помыслить происходящее и продолжать жить по-прежнему.

Литература

1. Библер В.С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура. М., 1990.
2. Галилей. Г. Диалог о двух главнейших системах мира. М.: ОГИЗ-СССР, 1948. 380 с.
3. Кант. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Кант. Сочинения в 6 т. Т. 2. М., 1964.
4. Жизненный мир. https://ru.wikipedia.org/wiki/Жизненный_мир
5. Подстрочник из <http://ancientrome.ru/antlitr/parmenid/parmen.htm> в издании: «Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э.», М., 1999.
6. Розин В.М. Природа: Понятие и этапы развития в европейской культуре. URSS. 2017. 240 с.
7. Розин В.М. «Критика чистого разума» И. Канта: источники исторического влияния и особенности дискурса // Идеи и идеалы. — 2024. — Том 16, № 1, ч. 1. — С. 11–28.
8. Розин В.М. Мышление: сущность и развитие: Концепции мышления. Роль мыслящей личности. Циклы развития мышления. URSS. 2015. 368 с.
9. Розин В.М. Учение о сновидениях и психических реальностях... / В.М. Розин. Природа и генезис европейского искусства (философский и культурно-исторический анализ). ИФРАН. М.: Голос, 2011. 398 с.
10. Розин В.М. Культурно-психологическое истолкование понятий «развитие» и «жизненный мир» // Психология и Психотехника. 2022. № 1. С. 55–66.
11. Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. К.: Украина, 1993. 336 с.
12. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: AirLand, 1994. 406 с.

References

1. Bibler V.S. *Obraz prosteca i ideya lichnosti v kul'ture srednih vekov* [The image of a simpleton and the idea of personality in the culture of the Middle Ages]. *СHelovek i kul'tura* [Man and Culture]. Moscow, 1990. (In Russian.)
2. Galilej G. *Dialog o dvuh glavnejshih sistemah mira* [Dialogue about the two most important systems of the world]. Moscow: OGISSSSR, 1948. 380 p. (In Russian.)
3. Kant. *Grezy duhovidca, poyasnennye grezami metafiziki* [Dreams of a spirit seer, explained by dreams of metaphysics]. Kant. Works in 6 volumes. T. 2. Moscow, 1964. (In Russian.)
4. *ZHiznennyj mir* [Lifeworld]. https://ru.wikipedia.org/wiki/ZHiznennyj_mir (In Russian.)
5. Podstrochnik iz [Interlinear translation from] <http://ancientrome.ru/antlitr/parmenid/parmen.htm> v izdanii: “Hellenic poets of the 8th – 3rd centuries. BC”, Moscow, 1999. (In Russian.)

6. Rozin V.M. *Priroda: Ponyatie i etapy razvitiya v evropejskoj kul'ture* [Nature: Concept and stages of development in European culture]. URSS. 2017. 240 p. (In Russian.)

7. Rozin V.M. «*Kritika chistogo razuma*» I. Kanta: istochniki istoricheskogo vliyaniya i osobennosti diskursa [Critique of Pure Reason” by I. Kant: sources of historical influence and features of discourse]. Idei i ideally [Ideas and ideals]. — 2024. — Volume 16, No. 1, part 1 — P. 11–28. (In Russian.)

8. Rozin V.M. *Myshlenie: sushchnost' i razvitie: Konceptii myshleniya. Rol' myslyashchej lichnosti. Cikly razvitiya myshleniya* [Thinking: essence and development: Concepts of thinking. The role of the thinking person. Cycles of thinking development]. URSS. 2015. 368 p. (In Russian.)

9. Rozin V.M. *Uchenie o snovideniyah i psicheskikh real'nostyah...* [The doctrine of dreams and psychic realities] / V.M. Rozin. *Priroda i genesis evropejskogo iskusstva (filosofskij i kul'turno-istoricheskij analiz)* [V.M. Rozin. The nature and genesis of European art (philosophical and cultural-historical analysis)]. IFRAN. Moscow: Golos, 2011. 398 p. (In Russian.)

10. Rozin V.M. *Kul'turno-psihologicheskoe istolkovanie ponyatij «razvitie» i «zhiznennyj mir»* [Cultural and psychological interpretation of the concepts of “development” and “life world”]. *Psihologiya i Psihotekhnika* [Psychology and Psychotechnics]. 2022. № 1. Pp. 55–66. (In Russian.)

11. Svedenborg E. *O nebesah, o mire duhov i ob ade* [About heaven, about the world of spirits and about hell]. K.: Ukraina, 1993. 336 p. (In Russian.)

12. YUng K. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, dreams, reflections]. Kiev: AirLand, 1994. 406 p. (In Russian.)

“Picture of the life world” of the individual as a basis for thinking in dialogue

Rozin V.M.,

D. Philosopher Sc., professor,
Chief Researcher Institute of Philosophy RAS,
Russia, 109240, Moscow, st. Goncharnaya, 12, building 1
ORCID: 0000-0002-4025-2734
rozinvm@gmail.com

Annotation: The article discusses one of the conditions of thinking and dialogue, which the author connects with the concept of the “life world” of the individual. The motivation for discussing this topic was observing the controversy among methodologists on the Internet. The author shows that the life worlds of individuals determine the nature of thinking and dialogue, and if these worlds are divergent or opposite, it is not possible to achieve consensus. This position is supported by an analysis of examples of polemics in the history of philosophy. In addition to the life world, the concept of “constructing a new objectivity” is introduced, which is explained in another case.

Keywords: thinking, discourse, dialogue, objectivity, life world, history, philosophy, methodology, individual, personality.